

Александр
ТАМОННИКОВ
ВОЙНЫ И СУДЬБЫ

БОЕВОЙ ДРУГ

Дай лапу мне!

Войны и судьбы

Александр Тамоников

Боевой друг. Дай лапу мне!

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Боевой друг. Дай лапу мне! / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Войны и судьбы)

ISBN 978-5-699-98345-2

Россия и Великобритания – главные соперники на соревнованиях саперов за право проводить разминирование в любой точке мира. Российская команда, в отличие от соперников, не может похвастать суперсовременными электронными детекторами, роботами и металлоискателями. Но зато у наших саперов есть замечательные, великолепно обученные собаки! И это не просто животные с тонким нюхом. Это бесконечно преданные, смелые и самоотверженные овчарки, настоящие друзья. И вот приближается финал, который определит лучших саперов планеты. Но что это? Все минно-разыскные собаки российской команды отравлены каким-то неизвестным ядом. Несчастные животные теряют сознание, впадают в шок и умирают на руках своих поводырей. Провал нашей команды кажется неизбежным. В Москве экстренно собирается руководство МЧС, где принимается решение срочно отправить на место проведения соревнований грузовой борт с ветеринарами, реанимационным оборудованием и новыми собаками. Самолет уже был в воздухе, когда стало известно, что приземлиться он не сможет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98345-2

© Тамоников А. А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Тамоников

Боевой друг. Дай лапу мне!

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

Глава 1

Южная Америка, Республика Суринам.

Понедельник, 5 сентября, 23.05

Два внедорожника въехали на лесную поляну. Дело происходило в нескольких десятках метров от специального полигона Санкери. Тот находился в сорока километрах от поселка Гронес и в восьмидесяти от столицы республики, города Парамарибо. Жители Суринама часто называли его просто Парбо.

На одной машине были английские номерные знаки, на другой – символика ООН. Внедорожники встали капотами друг к другу. Водители погасили фары.

Из машин вышли трое мужчин в легких штатских костюмах. Двое пожали друг другу руки, третий с сумкой встал немного позади.

– Приветствую, господин подполковник.

– Доброго вечера, господин Хукес.

– Тогда уж ночи.

– Как угодно. Но может быть, оставим формальности?

– Согласен, Мишель, – ответил англичанин.

– Вы готовы? – спросил француз.

– Конечно. Иначе не приехали бы сюда.

– Вильям, ты уверен, что ваш внедорожник никто из посторонних не видел?

– Уверен. Мы ехали со стороны Гронеса. Конечно, часовые твоего караула прекрасно слышали шум двигателя. Но ведь они решили, что это были машины охраны, не так ли?

Подполковник Мишель Венсе усмехнулся.

– Так оно и есть. По крайней мере в отношении одного автомобиля. А где один, там могут быть и два. В принципе в задачу караула входит контроль за подходами к периметру ограждения полигона. Но мы находимся вне этой зоны.

– Можем работать? – спросил англичанин Вильям Хукес.

– При условии, что я точно узнаю твои намерения.

На этот раз усмехнулся британец.

– Они просты. Не дать сопернику завтра выиграть. Вот и все. Ты же прекрасно понимаешь, что мы не можем уступить. Ни в коем случае. В этом мы союзники. А вот о том, что конкретно будет делать на полигоне мой человек, присутствующий здесь, извини, сказать не могу. Такого права у меня нет, но есть полномочия заявить, что твой личный счет уже завтра пополнится крупной суммой. Учти также, что в ходе состязаний не будет никаких жертв.

– Хорошо. Твой человек так и думает пойти на работу? Открыто, с сумкой на плече, на виду у часовых?

– Оценил шутку. Немного терпения, Мишель. – Англичанин обернулся и приказал: – Сержант, пять минут на подготовку!

– Да, сэр!

Третий мужчина зашел за машину.

– Подождем.

Француз кивнул:

– Хорошо.

Англичанин протер платком лицо:

– Жарко. Какого черта полигон разместили здесь? Хуже места не найдешь, даже если очень захочешь.

– Ты впервые здесь, Вильям, а вот Риччи, полковник Рейс, неплохо проводил тут время. Мулатка у него была просто шикарная.

– Все равно это дерьмовое место.

– Полигон был построен по решению Противоминного центра ООН. Наверное, там знали, что делали. Скажи спасибо за то, что сейчас работают приборы, отпугивающие гнус и москитов. Без них мы с тобой и минуты здесь не провели бы. Эти твари сожрали бы нас живьем.

– Спасибо, Мишель.

Француз протянул англичанину пачку сигарет:

– Будешь?

Тот покачал головой:

– Нет.

– Как хочешь, а я перекурю, – проговорил начальник охраны полигона подполковник Мишель Венсе и щелкнул зажигалкой.

Тут из-за машины вышло нечто настолько жуткое, что француз поперхнулся дымом и отшатнулся.

– Что это? – спросил он.

Хукес рассмеялся.

– Не узнал? Это мой человек, сержант Оскар Кларк. Ему предстоит непосредственная работа на закрытой территории.

– Это не человек, а пугало какое-то.

– Вот и ответ на твой вопрос о том, как он пойдет к цели.

Сержант был облачен в специальный костюм, увешанный листвой, травой, ветками.

– Неплохо, – проговорил Венсе. – Как долго в этих лохмотьях можно выдержать при двадцати восьми градусах да еще высокой влажности после летнего сезона дождей?

– Сколько надо, Мишель. Кстати, в этих лохмотьях, как ты назвал маскировочный костюм, гораздо комфортней и прохладней, чем в привычной, облегченной одежде.

– Да?

– Хочешь, проверь. Когда вернется Кларк, я прикажу ему передать костюм тебе. Наде-нешь и убедишься, что я не обманывал.

– Нет, благодарю. – Французский подполковник затушил окурок, положил его в пачку, взглянул на англичанина. – Вильям, давай перейдем к делу.

– Этого и жду.

– Но сначала вопрос.

– Слушаю.

– Сколько времени потребуется твоему сержанту?

– Тогда у меня встречный вопрос. Нужный человек заступит на пост в ноль часов или он стоит на вышке уже сейчас?

– Ровно в полночь.

– Тогда час пятьдесят минут. Это максимум.

– На весь участок?

– Да.

– Хорошо. – Француз извлек из чехла радиостанцию малого радиуса действия. – Морель, это Венсе!

– Да, мсье, – ответил начальник караула капитан Патрик Морель.

– Ты помнишь наш дневной разговор?

– Так точно, мсье!

– На третий пост выходит твой человек?

– Так точно, мсье! Это Жерар Лунье.

– Хороший солдат. Развод проводи лично, сам выведи смену на посты.

– Да, мсье!

– Выполняй! – Венсе отключил станцию.

Хукес указал на нее и спросил:

- Не опрометчиво ли, Мишель?
- Что? – не понял французский подполковник.
- Пользоваться открытой связью на полигоне.

Француз хмыкнул:

– Здесь ты прав. Все переговоры по радио и мобильным телефонам запрещены и перехватываются. Вот если бы ты вышел в эфир, то мой специалист по прослушиванию записал бы твой разговор и даже запеленговал бы твою рацию. Моя же станция не контролируется. Я снимаю все записи при смене специалиста. Так что все в порядке.

– Ты полностью доверяешь своим людям?

– Я их сам подбирал. Никто не хочет лишиться такой службы. Поэтому не суй свой нос туда, куда не следует.

– А разве наши соперники не могут параллельно слушать эфир?

– Твои люди слушают?

– Нет.

– Вот и соперники тоже. Они предупреждены о запрете переговоров без разрешения комиссара ООН и оповещены, что эфир прослушивается. Нарушение правил карается снятием с конкурса. Поэтому не беспокойся, Вильям. Я знаю, что делаю.

– Надеюсь.

– На что? На то, что я не идиот, подставляющий сам себя?

– Извини, не о том говорим.

– Это ты не о том говоришь.

– Я же извинился.

– Ладно. Так, сколько у нас времени? – Он посмотрел на часы. – Двадцать три пятьдесят семь.

– Через три минуты начальник караула выведет смену. Потом ты запустишь своего лешего.

– Может, его уже сейчас подвести поближе к вышке третьего поста?

– Если только на край леса.

– Хорошо. – Хукес повернулся к Кларку и приказал: – Выходи на опушку, но не далее кустарника! Там проверь аппаратуру и через пять минут после полуночи начинай выдвижение вдоль колючки до первого участка заминированных полос. Схема закладки введена в память планшета?

– Так точно, сэр!

– Завершение работы в час сорок, на отход двадцать минут.

– Да, сэр!

– При работе соблюдать максимальную осторожность. На часового ближней левой вышки внимание можешь не обращать, но остальным попадаться на глаза не следует.

– Меня не увидит и часовой третьего поста.

– Все взял?

– Так точно!

– Вперед! Удачи! Я жду здесь.

– Есть, сэр! Благодарю. До встречи, – сказал сержант Оскар Кларк и исчез в густом кустарнике.

Француз прислушался.

Англичанин посмотрел на него и усмехнулся.

Наконец Венсе проговорил:

– Твой сержант действительно профи, Вильям. Ни единого звука!.. Двигается как призрак.

– Других не держим, Мишель. Особенно при выполнении самых важных специальных операций.

– Конечно, когда на кону такие деньги.

– Не только деньги. Давай-ка пройдем в мою машину. У меня там термос с кофе. Его бдительно охраняет мой помощник майор Росс. Я слышу, как он храпит.

– Британцы ведь предпочитают чай.

– А я – кофе. Но есть и кое-что покрепче. Сейчас можно принять немного.

– Виски?

– Да.

– Терпеть не могу ваше пойло. Как вы можете хлебать эту гадость? – Француз сморщился. Хукес не остался в долгу.

– А я не понимаю, как можно есть лягушек.

– Ну, знаешь!..

– Знаю. Но давай не будем ссориться, Мишель. Мы же одна команда.

– Мы не одна команда.

– Это ты комиссару ООН объяснишь, если Кларк будет задержан на участке, предназначенном для проведения состязаний.

– Ты мне угрожаешь?

Британец быстро сдал назад.

– Да ты что, Мишель, шуток не понимаешь?

– Не понимаю! Не люблю шутить.

– Слушай, не хочешь виски, выпьем вина.

– Откуда у вас хорошее вино?

Хукес не стал спорить.

– Естественно, до вас нам далеко.

– Это правда.

– Что ты предлагаешь вместо кофе?

– Коньяк.

– Годится. По мне что виски, что коньяк.

– Тогда пошли в мою машину.

– Без проблем.

Представитель английской спецслужбы и старший офицер подразделения Противоминного центра ООН устроились на заднем сиденье просторного, комфортного внедорожника.

– Ты едешь без водителя, Мишель? – спросил англичанин.

– Тебя это удивляет?

– Да. Или водитель штатом не предусмотрен?

– Предусмотрен, но ты задаешь довольно наивные вопросы для полковника спецслужбы.

– Ты не хочешь иметь ненужных свидетелей?

– Именно так.

– Ты же всем своим доверяешь. Или нет?

Француз покачал головой:

– Вильям, ты иногда навязчив как муха. Какая тебе разница, с водителем я или нет?

– Никакой. Но интуиция мне подсказывает, что после нашей совместной работы ты не в лагерь поедешь.

Венсе рассмеялся:

– Куда же, по-твоему?

– В Гронес.

– Зачем?

– Если полковник Рейс, всего лишь проходивший тут отбор, обзавелся в городке подружкой, то тебе, постоянно несущему здесь службу, занять пару-тройку аборигенок не составило труда. Скажи, я не угадал?

– Это, мой друг, тебя не касается.

– Почему же? Я бы тоже не прочь попробовать местных леди.

– Ты все хочешь успеть, Вильям.

– Жизнь такая настала, Мишель. Она несется с космической скоростью. Оглянуться не успеешь, а уже старость, отставка, ворчливая жена, внуки, кресло-каталка с пледом. Впереди дорога к местной церкви и аккуратному, чистенькому кладбищу.

– До этого тебе еще далеко.

– Как знать, Мишель.

Венсе достал из сумки фляжку, стаканчики, плитку шоколада, налил граммов по двадцать коньяку. Изысканный аромат тут же заполнил салон.

– Что за коньяк? – спросил англичанин.

– «Курвуазье». Из винограда, выращенного в регионе Шаранта. Выдержка шесть лет. Чувствуешь запах душистых трав?

– Да, аромат еще тот. Попробуем на вкус.

Офицеры выпили.

Англичанин пожал плечами:

– Ничего особенного. Крепкий, фруктами отдает.

– Виски лучше, да?

– Каждому, как говорится, свое, Мишель.

– Еще?

– Нет, благодарю.

– А я выпью.

Хукес усмехнулся:

– Ты не перебори, а то аборигенка в свой вигвам не пустит. Или в чем они тут живут.

– Живут они в домах. А о женщинах мы, по-моему...

Хукес поднял ладони.

– Все, Мишель, пардон! Тема женщин закрыта.

– Почему же? О местных давай не будем, поговорим обо всех остальных.

– Договорились.

Опытный диверсант сержант Оскар Кларк добрался до опушки леса, залег за кустом. Перед ним находился испытательный участок полигона, огражденный двумя рядами колючей проволоки. По углам вышки, – часовые с американскими винтовками М-16.

Прожекторы освещали секторы, отведенные постам. С ближней от него вышки голубоватый луч был направлен как раз в ту сторону, куда следовало идти ему. Задний правый часовой видел тыловую часть, но высокая трава позволяла незаметно выйти от леса к периметру. Ее косили машинами ежедневно, но к вечеру она вновь поднималась на полметра. Всею виной климат, влажный и жаркий.

В полночь началась смена караула. Солдаты вдоль проволоки двинулись к вышкам. Им навстречу шли другие, отстоявшие два часа.

Кларк усмехнулся. Ну и охрана! Кто же так меняет часовых? Подобная церемония ведет к тому, что весь объект на несколько минут остается без контроля. Видимо, здешнее начальство уже привыкло к тому, что полигон особой ценности ни для кого не представляет. Даже сейчас, когда здесь проходит финальный этап состязаний саперов.

Новые караульные поднялись на вышки. Прежние ушли отдыхать.

Кларк взглянул на часы. Пять минут первого. Пора.

Он полз быстро и незаметно. Ни одна травинка не шелохнулась. Это было бы невозможно для любого профи, если бы не траншея, подвернувшаяся очень кстати. Французский начальник охраны почему-то не сказал о ней. Посчитал ненужным.

На вышку поста номер три, где, по заверению полковника, находился свой часовой, Кларк внимания не обращал. Он приподнял нижнюю полосу колючки, свободно прополз под ней, миновал второй ряд и оказался в нужном месте.

Сержант достал из-под ремня планшет, прикрыл маскировочным халатом, включил, выставил нужную картинку, сориентировался. Точные места закладок были перед ним. Мины-имитаторы высвечивались на мониторе. Захочешь, не заденешь.

Он достал баллончик синего цвета, поглядывая на планшет, прополз к месту закладки первой мины и решил проверить, точны ли показания компьютера со специальной программой. Кларк знал толк в саперном деле. Он осторожно извлек шуп длиной в сорок сантиметров, который был закреплен у него на бедре, воткнул его в грунт и тут же попал в твердый предмет. Компьютер давал верную информацию. Дальше использовать шуп – только терять время.

Сержант приставил баллон к месту закладки, дважды коротко прыснул на землю. Этого достаточно. Он переполз ко второй мине.

В это время луч прожектора со второго поста вдруг двинулся в его сторону. Кларк накрылся маскировочным халатом и замер, превратился в небольшой бугор. Он мог следить за действиями часового. Тот так же неожиданно вернул прожектор в исходное положение. Сержант облегченно выдохнул. Скорее всего этот солдат случайно сдвинул прожектор.

Кларк продолжил метить места закладки мин-имитаторов, поглядывая на часы. Как бы то ни было, а он должен закончить работу и уйти в лес до следующей смены караула.

Стороннему наблюдателю его действия показались бы весьма странными и бессмысленными. Лазит чужак по учебному минному полю, разбрызгивает какое-то вещество. Для чего? Зачем? В принципе этого не знал и сам Кларк.

Он был очень удивлен, когда вчера в 16.00 его вызвал в свою секцию жилого модуля начальник британской команды полковник Вильям Хукес.

Он тихо постучал в пластиковую дверь:

– Разрешите, господин полковник?

– Входи, Кларк. – Хукес сидел за столиком, указал сержанту на соседний стул. – Присаживайся.

– Да, сэр! – Сержант устроился напротив.

– Как настроение, Оскар?

Это немного удивило Кларка.

– Нормально, сэр.

– Акклиматизацию прошел?

– Я не болею при перемещениях на дальние расстояния.

– Завидую. У меня двое суток голова раскалывалась.

Кларк посмотрел на полковника. Неужто тот вызвал его, чтобы пожаловаться на боли? Но он сержант, а не доктор. Шел бы полковник в санчасть учебного центра.

– Но я оклемался, – продолжил Хукес и неожиданно спросил: – Русских видел?

– Так точно. Они все в соседнем модуле. Иногда выводят собак. Я удивился, сэр.

– Чему, сержант? Или кому?

– Тому, что русские смогли дойти до финала, используя только служебных собак. У них же в МЧС есть роботы и другие технические средства. Вот наш «Юстер»...

Полковник прервал сержанта:

– Эту тему закроем. Тебе предстоит ночная работа.

Это заявление еще больше удивило сержанта.

- Работа?
- У тебя со слухом плохо?
- Извините, сэр. Я слушаю вас.
- Слушай внимательно.

Хукес изложил план, который Кларку предстояло претворить в жизнь. Но сержант не понял, для чего ему надо было ползать по учебному полю и разбрызгивать какую-то жидкость из баллона.

На его вопрос об этом полковник ответил кратко:

- Тебя это не касается. Задача ясна?
- Так точно, сэр!
- Маскировочный костюм в машине, там же планшет, шуп. Выезд из лагеря в двадцать два часа. Об этом деле никому ни слова!
- Но завтра кто-нибудь из наших обязательно спросит, куда я уезжал с вами.
- Нет, таких вопросов не будет. Об этом позаботится мой помощник майор Росс.
- Я все понял, сэр.

Сейчас сержант Кларк проползал от одной мины к другой и прыскал на землю из баллона. В конце концов замысел Хукеса его действительно не касался. Он, сержант, получал в пять раз больше, чем обычный британский капитан, имел собственный дом, красавицу жену, неплохие деньги на счету. Его ждала обеспеченная старость в родном уютном Престоне, расположенном на северо-западе Англии.

Пройдя около двадцати метров из тридцати, он взглянул на часы. Казалось бы, не самая сложная работа, а сорока минут как не бывало. Но торопиться не следовало. Это правило Кларк запомнил на всю жизнь, когда проходил обучение в секретной диверсионной школе.

Вскоре на планшете высветились последние четыре закладки на этом участке. На крайнюю из них сержант смог истратить всего пару капель жидкости. Он где-то переборщил.

Стоило ли докладывать об этом полковнику? Хороший вопрос. Знать бы еще, что это за вещество и для чего им покрываются закладки на одной из двух полос. Но сержант этого не знал. Значит, придется докладывать.

Назад Кларк прошел тем же путем. Ровно в два часа ночи он вышел на поляну.

Из внедорожника выбрались Хукес и Венсе.

Кларк отбросил капюшон назад, вытер пот и доложил:

- Выше приказание выполнено, сэр!
- К машине, Кларк, и подробнее.
- Есть!

Француз деликатно отошел в сторону.

Хукес и Кларк прошагали к внедорожнику. Сержант положил на капот планшет, выставил пустой баллон.

- Докладывай! – приказал полковник.
 - Прошел участок без проблем.
 - Я это понял. Если бы они возникли, то шум поднялся бы не слабый. Обработал все цели?
 - Так точно. Строго по схеме. Вот только на последнюю закладку осталось всего пара капель вещества.
 - Все было рассчитано. Значит, ты неравномерно обрабатывал места.
 - Возможно, где-то побрызгал больше. Это что-то меняет?
- Хукес отрицательно покачал головой:
- Нет. Но работу следует выполнять точно.

– А вы уверены, что расчет был сделан правильно?

– Да, Оскар.

– Могу ли я узнать, в чем смысл моей работы?

Полковник посмотрел на сержанта:

– Тебе это так важно?

– Странная задача, сэр. Проникнуть на объект и побрызгать места закладки учебных мин какой-то жидкостью без запаха. Этот препарат быстро улетучится с открытой полосы.

– Это не важно. Возвращаемся в лагерь.

– Да, сэр!

Кларк собрал амуницию в сумку, остался в легком летнем костюме. Потом он разбудил майора Росс, который успел неплохо выспаться за это время.

Вскоре два внедорожника пошли по дороге к поселку Гронес.

Немного погодя Хукес, сидевший сзади, извлек из кейса небольшую спутниковую станцию, выставил портативную антенну и потребовал соблюдать тишину в салоне. Майор Чарли Росс, находившийся за рулем, выключил музыку.

Полковник снял трубку, набрал длинный номер.

Ему ответили тут же:

– Да, Вильям, слушаю.

– Ночная работа проведена успешно, сэр!

– Это хорошо. Ты сейчас в лагере?

– Нет. На дороге к нему. Приходится добираться в объезд.

– На месте скажи Миллеру, что у его группы зеленый свет.

– Да, сэр.

– И смотри, Вильям. За исход состязаний ты отвечаешь головой.

– Так уж и головой, генерал? – осведомился Хукес.

– Если ты лишишься должности, то голова тебе больше не понадобится. Все равно применить ее будет негде. Собирать по мусорным ящикам объедки можно и без мозгов.

– Я все понял, сэр!

– Вот и прекрасно. Жду результатов первого этапа. Доклад по окончании.

– Да, сэр!

– Удачи!

– До связи! – Англичанин отключил станцию, уложил в кейс, откинулся на сиденье, прикурил сигарету и обратился к помощнику: – Включи музыку, Чарли.

– Вам понравился новый диск?

– Ничего. По крайней мере инструментальная музыка не режет слух.

Внедорожник с англичанами двигался впереди. Сразу на въезде в город Росс свернул вправо, на дорогу, ведущую к полигону Санкери.

– Сэр, машина француза не пошла за нами. Она продолжила движение прямо, – проговорил майор.

Полковник усмехнулся и заявил:

– Венсе решил развлечься с аборигенкой.

– Подполковник? – воскликнул Росс.

– А что в этом удивительного?

– Так местные женщины страшны, худы и неопрятны. С такими даже не спать, а находиться в одной комнате противно.

– Наверное, не все. Возможно, у Венсе вполне симпатичная и следящая за собой женщина.

– Не знаю. Я таких здесь не видел.

- Это нас не касается. Мы свое дело сделали. А Венсе волен поступать как знает.
- На въезде в учебный центр нас обязательно остановит наряд контрольно-пропускного пункта, – проговорил Росс.
- Конечно, и что? Ты не знаешь, что сказать?
- На этот счет инструкции не было.
- Я не говорил тебе, где мы якобы были?
- Нет, сэр.
- Странно. Но ничего. Официально мы выезжали в аэропорт, забрали багаж, случайно оставленный там.
- Но эта информация легко проверяется.
- Да, если кто-то пожелает ее проверить. Венсе не станет этого делать.
- Извините, но кроме него есть комиссар Андре Канте.
- Для сеньора Канте информация подтвердится. Еще вопросы ко мне есть?
- Никак нет, сэр!
- Вот и хорошо.

Окно контрольно-пропускного пункта светилось. Шлагбаум закрыт, над ним красный фонарь.

Росс остановил внедорожник.

К машине подошел военнослужащий, представился:

– Сержант Пастури.

Полковник решил взять инициативу на себя, выбрался из машины и спросил:

- В чем дело, сержант?
- Разрешите узнать, кто вы?
- Ты не видишь номера?

Сержант был спокоен.

– Номера я вижу. Меня интересует, кто вы и люди, находящиеся в машине.

– Я полковник Вильям Хукес, начальник команды Великобритании. Со мной мой помощник майор Росс и сержант Кларк. Этого достаточно?

– Прошу предъявить документы.

– Ты должен знать нас в лицо.

– Возможно. Но я на службе.

Полковник сунул французскому сержанту удостоверение.

Пастури внимательно посмотрел его, вернул.

– Убедился? У майора и сержанта тоже будешь проверять документы?

– Так точно, господин полковник. Это моя обязанность.

– Давай проверяй, да побыстрей, ночь на дворе.

– Об этом будет отдельный разговор. – Сержант проверил документы Росса и Кларка, повернулся к полковнику. – Вам, сэр, должно быть известно, что выезд автомобилей с территории учебного центра после двадцати трех часов осуществляется строго по пропускам, которые должны быть закреплены на лобовом стекле справа.

Хукеса вывела из себя эта настырность француза.

– Не много ли берешь на себя, сержант?

– Лишь то, что положено. Не надо кричать на меня, господин полковник. Иначе я вынужден буду вызвать дежурного по полигону, а затем составить рапорт на имя комиссара ООН.

Хукес понял, что этого служаку ему не сломить, неожиданно улыбнулся и заявил:

– А ты молодец, сержант.

– Я всего лишь исполняю свои обязанности. Повторяю вопрос. Почему на лобовом стекле не закреплен пропуск? У вас его нет?

Полковник указал на КПП.

– В журнале должна быть отметка о том, что мы выезжали с территории. Ты, видимо, отсутствовал в это время.

– Почему же? Помощник отметил вашу машину, но это ничего не меняет.

– Мы ездили в аэропорт. Надо было забрать багаж, случайно оставленный там.

Сержант вздохнул.

– Господин полковник, извините, но мне совершенно безразлично, куда и зачем вы выезжали. Это произошло в двадцать два десять. Следовательно, вы не могли не знать, что вернетесь поздно ночью. У вас есть пропуск?

– Нет!

– Тогда я вызываю дежурного. Пусть с вами разбирается офицер.

– Подожди! У тебя есть связь с начальником охраны объекта?

– С подполковником Венсе? Естественно, он мой командир.

– Поговори для начала с ним, чтобы в дальнейшем не иметь больших проблем.

– Вы угрожаете мне?

– Нет, сержант, просто предупреждаю.

Дежурный по КПП подумал и достал-таки портативную радиостанцию.

– Командира вызывает Пастури! Прием!

В ответ молчание.

– Я, Пастури, прошу командира ответить!

– Что тебе? – воскликнул начальник охраны, который только что добрался до крупных смуглых грудей любовницы.

Сержант объяснил ситуацию.

Он еще толком не закончил доклад, как Венсе приказал:

– Пропустить автомобиль полковника Хукеса!

– У него нет пропуска. Я должен...

– Ты должен подчиняться мне, даже находясь в наряде. Приказываю пропустить машину британской команды! Никаких докладов дежурному, тем более письменных рапортов. Утром вернусь, проверю. Как понял, Пастури?

– Понял, мсье!

– Выполняй, черт бы тебя побрал!

Сержант выключил станцию, повернулся к КПП, махнул рукой. Красный свет на фонаре сменился на зеленый, и шлагбаум поднялся.

– Проезжайте!

Хукес решил разрядить обстановку.

– Ты, сержант, нагоняй начальника близко к сердцу не принимай. Я поговорю с ним, объясню, что ты вел себя как положено. А насчет пропуска скажу тебе по секрету, он у подполковника Венсе. Мы оформили все как следует. Да вот начальник охраны не передал нам документ. – Полковник подмигнул дежурному по КПП. – Видимо, у него на уме было что-то или кто-то еще, кроме службы. Это халатность, конечно, но все же сущая мелочь. Согласен, сержант?

– Да, господин полковник.

– Счастливого отстоять наряд.

– Благодарю.

Хукес кивнул Россу и Кларку, и они заняли места в машине.

Внедорожник остановился на площадке за модулем, в котором размещалась команда Великобритании.

– Всем отдых! – приказал полковник и добавил: – Подъем в семь.

Росс и Кларк ушли к себе.

Полковник выкурил сигарету, потом прошел в свой двухкомнатный служебно-жилой отсек. Там было душно. Термометр показывал двадцать девять градусов.

Хукес включил кондиционер, принял контрастный душ, разобрал постель, разделся догола, упал на кровать и вздохнул. Да, сейчас не мешало бы с полчасика позабавиться на манер подполковника Венсе, пусть даже с местной шлюхой. Но таковой не было.

Полковник поставил будильник на 5.50. Светящиеся стрелки его часов, лежавших на тумбочке, показывали 3.35. Чертов сержант, отнял время. На отдых оставалось всего два часа.

Хукес встал в 5.30, без всякого будильника, и тут же прошел в отсек лейтенанта Миллера. Тот еще спал.

– Подъем, Джек! – сказал Хукес так, чтобы соседи не слышали.

Лейтенант открыл глаза.

– Сэр, это вы?... – Он посмотрел в окно, за которым едва начинало светать. – Времени-то сколько?

– Ты не понял, Джек? Подъем!

– Извините, сэр! – Миллер сбросил с себя простыню вместе с остатками сна и вскочил.

– Разрешите привести себя в порядок?

– Разрешаю. Десять минут даю. Побрейся!

– Есть, сэр! – Лейтенант схватил спортивные штаны и полотенце и проскочил в санитарную секцию.

Хукес присел на стул, выкурил сигарету.

Через десять минут посвежевший лейтенант в штанах, майке и шлепанцах присел напротив полковника, включил настольную лампу и спросил:

– Что-то случилось, сэр?

– Ничего особенного. – Полковник отодвинул от себя пепельницу. – Кофемашина работает?

– Я пью чай, сэр.

– Тогда сделай две чашки, и покрепче.

– Да, минуточку.

После чая Хукес спросил:

– Твоя группа готова к работе?

– Странный вопрос, сэр. Конечно. В самом начале если не все, то многое будет зависеть от радиоинженера капитана Вуда. Если его робот «Юстер» полностью проявит свои технические возможности, то мы однозначно выиграем первый этап. Робот не поисковая собака, ему лишних движений делать не надо.

– Не скажи, Джек, у русских хорошие собаки. Я знаю, что они работают практически без сбоев.

– Да, овчарки – умные собаки. Но им далеко до робота. Мы обязательно выиграем этап.

– Просто выиграть первый этап мало, Джек, – проговорил полковник.

Лейтенант не без удивления воззрился на начальника.

– В каком смысле, сэр?

– В том, что на первом этапе вы обязаны получить такую временную фору, которой должно хватить на победу во всем состязании.

Лейтенант потер гладко выбритый подбородок.

– Не знаю. Опять-таки как сработает Арчи Вуд со своим «Юстером». Но если собаки у русских натасканные, опытные, то солидной форы нам не набрать. Да, мы опередим соперника, но не думаю, что намного.

Хукес усмехнулся и заявил:

– Если я сказал, что вы должны получить значительную фору, то так оно и будет. Вам удастся опередить русских на полчаса, никак не менее. Накрепко запомни очень важный момент. Что бы ни происходило на полосе русских, работу не прекращать! Пусть даже ваши соперники начнут взрываться на поле. Ваша задача – идти вперед и увеличивать отрыв. Тридцать минут, Джек, это минимум. Оторветесь на большее время, будете поощрены.

– Вы совсем сбили меня с толку, сэр. Мы никак не сумеем оторваться от русских аж на полчаса. Они ведь тоже будут работать. На пару минут – да, но на тридцать?..

– А вот это не твоя забота. Ты должен проинструктировать лейтенантов Вайта и Коннера, чтобы их люди действовали так, как сказал я. Никаких эмоций, ни малейшего отвлечения от дела. Только вперед!

– Я все равно не понимаю вас, сэр.

– Ты все поймешь, Джек, но после, ближе к завершению первого этапа.

– Да, сэр, я проинструктирую офицеров.

– Вот и хорошо. А я переговорю с капитаном Вудом. Не забывай, завтрак в семь двадцать, построение на смотровой площадке в семь сорок. Ровно в восемь зеленая ракета и собственно работа.

– Я все прекрасно помню, господин полковник.

– Отлично. После финиша посмотрю, как ты меня понял. А теперь, если хочешь, можешь еще поваляться в постели.

– Да какая уже постель.

– Но из сектора до официального подъема ни ногой!

– Конечно, сэр!

– Инструктаж своим перед завтраком!

– Да, сэр.

– Я надеюсь на тебя. Победа даст нам очень выгодные контракты. Мы обошли датчан, швейцарцев. Осталось сделать последний шаг.

– Замечу, сэр, что русские в полуфинале выбили американцев.

– Ну и что? Твоя группа тоже могла сделать это. Сейчас лучшие мы и, как это ни парадоксально, русские, до сих пор делающие главную ставку на минно-разыскных собак.

– Но у них есть и электронные приборы обнаружения взрывчатых веществ.

Полковник согласно кивнул:

– Есть. Но эти приборы уже устарели. Хотя еще вполне неплохо работают, особенно в зданиях. На втором этапе сыграет роль не техника, а профессионализм русских. Ты уж не обижайся, Джек, но он у них выше, чем у твоих людей. Только из-за того, что русские имеют огромный опыт реальной боевой работы.

– Мне не на что обижаться.

– Вот и хорошо. Поэтому на втором и третьем этапах вам очень пригодится фора. Полчаса, выигранные в самом начале, позволят нашей группе финишировать первой.

– Но у русских на третьем этапе останутся те же минно-разыскные собаки. Нам же придется работать миноискателями. Псы шустрее людей, – заявил лейтенант.

– Ты не паникуй. Заполучи фору в тридцать минут и о дальнейшем ходе событий не беспокойся.

– Вы что-то придумали, да, сэр?

– А вот это тебя не касается, лейтенант. Тебе зеленый свет. Этим все сказано.

В 7.10 Хукес навестил радиоинженера капитана Вуда. Уже был объявлен подъем, и в лагере царило оживление.

Вуд только что побрился, смыл пену и взялся за туалетную воду.

Тут его и окликнул начальник команды:

- Доброе утро, Арчи!
- Это вы, господин полковник?
- Не узнал?
- Минуту. – Капитан вышел из душевой, надел рубашку. – Доброе утро, сэр! Что-нибудь случилось?
- Нет. Просто зашел узнать, что у нас с роботом.
- Все в порядке. Я вчера проверял его, работает как часы.
- Скорость?..
- Средняя, при которой саперы отрабатывали учебные задачи дома.
- Наш «Юстер» не даст сбой?
- А почему он должен дать сбой? – осведомился капитан. – Работать ему предстоит в самых что ни на есть благоприятных условиях.
- Все же перед стартом еще раз проверь все системы.
- Вы волнуетесь, сэр? Хотя о чем я спрашиваю. Конечно, это естественно. На кон поставлено слишком много.
- Да, Арчи, так оно и есть. Поэтому я требую от тебя предельной сосредоточенности. Робот не должен сделать ни одного лишнего движения.
- Так это и невозможно. Он просканирует местность, определит места закладки мин и лучами станет наводить на них саперов. Это им надо работать без сбоя.
- Но ты должен контролировать режим. Не исключено, что где-то тебе придется попридержать луч. Все же люди устают, они не роботы.
- Я буду вести «Юстер», исходя из темпа передвижения саперов.
- Правильно. Учти, что на учебном поле ближе к завершению этапа у наших соперников могут возникнуть кое-какие проблемы. Не обращай на это никакого внимания. Идти вперед!
- Саперы проинструктированы?
- Конечно.
- А что за проблемы могут возникнуть у русских? Они акклиматизировались, собаки тоже. Вчера я видел, как их выгуливали. Псы смотрелись весьма неплохо.
- Я не знаю, что именно может произойти, Арчи, но интуиция подсказывает мне, что у соперника возникнут проблемы. Конечно, как джентльмены мы должны бы помочь им, но не в данном случае. На время состязания все мы бездушные роботы. Ты хорошо понял меня, Арчи?
- Совершенно не понял насчет проблем, но приказ ясен. Я – робот, такой же, как «Юстер». Кроме работы, никто и ничто меня не интересует.
- Ты все верно понял. Сейчас на завтрак, потом на построение. Нас ждет событие, которое предопределил судьбу подразделения на два года. Мы не должны остаться на обочине. Этого не будет!
- Да, сэр!

Глава 2

За двое суток до этого.

Суббота, 3 сентября

Транспортный Ил-76 Министерства по чрезвычайным ситуациям России с группой специалистов Центра гуманитарного разминирования и специальных взрывных работ находился в воздухе. Три с лишним часа назад он дозаправился на Канарских островах и теперь выдерживал курс на северо-восточную часть Южной Америки, на Республику Суринам, по старой памяти иногда неофициально называемую Нидерландской Гвианой. Самолетом управлял дублирующий экипаж, основной отдыхал.

В грузовом отсеке расположилась группа разминирования во главе с начальником полковником Сердановым. Рядом с ним находились его помощник капитан Холин, саперы капитан Пахомов, старший лейтенант Снегирев, прапорщик Лобачев, ветеринарный фельдшер группы старший лейтенант Чуйко и повар сержант Суриков.

Здесь же стояли внедорожник и специализированный фургон с медицинским оборудованием. Рядом были закреплены контейнеры с различным хозяйством и запасом продуктов питания. Группа была полностью автономной.

Напротив саперов размещались передвижные вольеры для минно-разыскных собак. В них сидели немецкие овчарки Амур, Барон, Вьюга.

Полет в южноамериканскую Республику Суринам обуславливался тем, что там должны были пройти финальные состязания двух команд, претендующих на получение лицензии ООН на проведение операций по гуманитарному разминированию в течение ближайших двух лет в любом месте мира. Разумеется, с соответствующим, весьма значительным финансированием. Соревнования длились уже более полугода. В них принимали участие представители десятков стран, в финал же вышли команды России и Великобритании.

Итоговое состязание должно было пройти в три этапа, с 6 по 8 сентября, при судействе международного жюри. Противоминный центр ООН представлял португалец комиссар Андре Канте.

Солидные мужчины из разных стран, входящие в судейскую бригаду, всегда молчаливо взирали на то, что происходило на полигонах, а затем выносили вердикт. Всем участникам соревнований было известно, что на них никто не мог оказать давление и не имел влияния. Каждый судья отдавал свой голос самостоятельно, без каких-либо консультаций и, надо признать, справедливо.

Иначе так называемый тендер всегда выигрывали бы американцы. Уж что-что, а давить они умели.

Но в финал справедливо вышли две самые сильные команды. Впрочем, фаворитом, пусть и не явным, считалась российская.

Офицеры группы знали, что финал пройдет на полигоне Санкери. Они изучали место последнего тура соревнований по картам, схемам, докладам, фотографиям. Им еще предстояло увидеть его и оценить. Но в том, что состязание будет проходить в сложных условиях, сомнения ни у кого не было. Все же финал, дающий право на работу, что уже греха таить, обеспечивающую неплохой вклад в государственную казну и собственный карман.

Полет всем изрядно надоел. Да и не мудрено. Расстояние от Москвы до Парамарибо составляло более десяти тысяч километров. До Канарских островов почти шесть часов лета. Там легкая разминка и выгул собак во время дозаправки. Это всего два часа, потом вновь на борт и в воздух. Прошло еще четыре часа.

Из кабины вышел мужчина с майорскими погонами на рубашке.

Начальник команды сквозь шум двигателей спросил:

– Сколько еще лететь, Паша?

– Два часа двадцать минут, Леонид Андреевич.

– Связь с аэропортом поддерживается?

– Недавно говорили. Аэропорт готов принять нас.

– Что за аэропорт?

– Не Домодедово и не Шереметьево. – Майор улыбнулся. – Но вполне нормальный аэропорт. Две полосы длиной по три тысячи метров, пара терминалов, международный статус. Диспетчеры дело знают. Заверили, что сложностей с посадкой не будет. Сезон дождей прошел, полоса сухая, ветер встречный, в пределах допустимых значений. Нормально сядем, товарищ полковник. Как собачки ваши? Им, наверное, хуже всех приходится.

– Ничего собачки. Им не привыкать. Правда, столь долго они еще ни разу не летали. Да, какая у нас разница во времени между Москвой и этим самым Парамарибо?

– Лучше просто Парбо. Местные жители так город называют. А разница пять часов. – Майор, пилот посмотрел на часы. – В Москве сейчас четырнадцать, в Парбо будем ориентировочно в девять двадцать по местному времени.

– Аэропорт в городе?

– Нет, в сорока пяти километрах южнее. От Йохан Адольфа Пенгеля – это название аэропорта – до полигона восемьдесят километров.

– Спасибо за информацию.

– Есть еще сведения, которые наверняка несказанно обрадуют вас.

– Ты о чем?

– О погоде, конечно. Климат в Суринаме, товарищ полковник, жаркий. Сейчас в Парбо тридцать восемь градусов.

– Сколько же будет днем?

– Больше сорока, это точно. Плюс повышенная влажность.

– А ночью?

– Ночью прохладнее, до тридцати градусов.

– Хорошо сказал, прохладнее.

– А у вас что, нет информации по Суринаму?

– Есть. Вся информация в ноутбуке, да только включать его желания нет. Незачем. Все можно узнать у пилотов, отличающихся необычайной эрудицией.

Майор рассмеялся:

– Тоже верно. Но вопросы о флоре и фауне республики прибытия не задавайте, смотрите в компьютере.

– Что нам до этой флоры и фауны? Мы не более чем на неделю разместимся в лагере, где будут созданы все условия для комфортного проживания и работы. Вот только жара. Во время состязаний это плохо. Хотя наши собачки в ЮАР отработали просто отменно. Там тоже было совсем не так, как в Подмосковье.

– Ладно.

Второй пилот прошел к туалету, вернулся в кабину. Полет продолжался.

Старший лейтенант Снегирев толкнул капитана Пахомова, указал на вольер с его подопечным:

– Что-то твой Амур, Юра, загрустил.

Пес услышал свою кличку, поднял с лап голову, наклонил ее в сторону. Он словно пытался понять, что говорят люди.

– Спокойно, Амур, отдыхай, – сказал Пахомов. – От такого перелета не только загрустишь, но и завоюешь. Не понимаю, почему в министерстве нас решили бросить в Америку «семьдесят шестым»?

– Ты предпочел бы «Боинг»? – Снегирев улыбнулся.

– На «Боингах» у нас начальство летает. Нам подошел бы и Ту-154. У него и скорость выше, и кресла нормальные, куда удобнее, чем эти лавки, и шум в салоне не такой, а дальность полета практически не уступает Ил-76. Если километров на сто, не больше.

– «Тушка», наверное, керосина жрет больше. Сам знаешь, что у нас в стране с горючкой напряженка. Вернее сказать, она есть, да только стоит дороже коньяка. А в министерстве деньги считать умеют. Решили сэкономить.

– Что-то я не видел, чтобы генералы на себе экономили. Ты когда в последний раз был в министерстве?

– Не вспомню. Да и что мне там делать?

– А я – месяц назад. Там, Сеня, такие иномарки стоят со служебными номерами, что нам всей группой за полную выслугу не купить. На этом не экономят.

Снегирев пододвинулся ближе к Пахомову.

– Это все так, но вот честно мне скажи. Будь ты генералом, начальником главка, не воспользовался бы должностью, чтобы, так сказать, улучшить свое материальное положение? Только честно, Юра.

– Нет!

– Ну да, на денежное довольствие жил бы. Жена твоя продолжала бы детей в школе учить. Пацан твой ходил бы в обычный детский сад. Ты мне, Юра, лапшу-то на уши не вешай. Я еще не встречал такого идиота, который отказался бы от бабла, если оно само в руки идет.

В разговор вступил прапорщик Лобачев:

– Ну и чего ты, Сеня, гонишь? Я и сам бы копейки не взял, потому как натура у нас совсем другая. Вам, ребята, как ни прискорбно, генералами, да еще в министерстве, не быть.

– Чего это? – спросил Снегирев.

– Слишком вы правильные. А таких персонажей по карьерной лестнице далеко не пускают. Да, ордена, медали, премии – это пожалуйста, но чтобы лампы? На них есть претенденты из другой среды. Вот мне и обидно за вас.

– А с чего тебе, Витя, обидно за нас, а не за себя?

– Так я кто по званию? Просто прапорщик. Максимум, на что могу рассчитывать, – это старший прапорщик. Разница не велика. Учиться мне уже поздно, так что оставшиеся десять лет отношу две звезды на пустом погоне и уйду в запас, на заслуженную пенсию. Дома, понятное дело, сидеть не буду, но для нас на гражданке всегда работа найдется. Хорошие кинологи и саперы везде нужны. У меня, кстати, раньше на лестничной площадке мужичок один жил, Эдик. Шустрый такой. Пришел женихом в хату невесты, быстро развелся. После этого бывшая супруга ушла из хаты к родителям. Как он уж это дело провернул, не представляю, но осталась дамочка без квартиры. Эдуард тоже недолго там жил, продал, чтобы вопросов со стороны родственников супруги стало меньше, съехал. Недавно встречаю его у ресторана, рядом с моим домом. Я этого типа сначала не узнал. Такой франт стал, костюм черный с иголки, галстук желтый, рубашка белая, ворот вразлет, туфельки лакированные, на пальце гайка с недешевым камнем. Подъехал на «крузаке», да не сам, а с машиной. Тот тоже в костюме. Как на парковке встал, из тачки вылез, дверку боссу открыл. Уж и не знаю, чего я на него посмотрел, но узнал. Да, Эдик. И он меня припомнил. Руки в стороны, обниматься лезет. Чтобы понятно было, почему у него такое отношение ко мне, объясню. До развода он на поддержанном «Ниссане» ездил и как-то раз поставил его на мое место. А тут я подскочил. Непорядок же. Выговариваю ему, мол, не надо так делать. А он меня по адресу, всем известному. Вы же знаете, что я не люблю наглецов. Эдик еще и поддатый был. Сунул я ему в репу, он в сугробе и закопался.

– И за это на всю жизнь стал благодарным тебе? – с усмешкой спросил Пахомов.

– Нет, там события развивались иначе. В общем, я сунул Эдику, а из-за угла пара крепких мальчиков вырулила. Захотелось им посмотреть, что у него в карманах есть.

– Ограбить хотели? – спросил Снегирев.

– Вроде того. Но я не люблю не только наглецов, но и подонков. Пришлось успокоить и этих мальчиков. Эдуард же слышал все и видел. Получилось, что я и в морду ему дал, и от грабителей спас.

– Два в одном, – проговорил Пахомов.

– Ну да. Только Эдик сильно благодарен мне был.

– Это за спасение?

– У него тогда с собой была крупная сумма. Что-то продал. Он где-то торговую точку имел. В общем, был при деньгах. Если бы не я, то лишился бы их. Правда, и в морду не получил бы. Но не важно. Короче, к теме. Обнимает он меня у ресторана, спрашивает за жите-бытье. Мол, ты по-прежнему в МЧС? На хрена тебе это надо? Иди ко мне. Дескать, ты же по собачьей части, а я как раз питомник открыл. Не сам, конечно, допетрил, подсказали умные люди.

– Ты давай короче, – попросил Пахомов.

– Короче, так. Про собачьи бои ты, конечно, слышал?

– Да.

– Так Эдик с кем-то на паях открыл питомник, под бойцовские породы. Ему опытные дрессировщики нужны.

– И что, много предложил за переход?

– Нормально. Я это к тому, что без работы на гражданке не останусь. В Москве и Подмосковье, да по всей стране таких частных контор ничуть не меньше, чем нотариальных. Есть вариант охранником к очень богатому дяденьке пристроиться. Его уже пытались пару раз взорвать. Готов платить, сколько скажу, лишь бы я гарантировал безопасность. Но что-то я разговаривался не в меру.

– Действительно. – Снегирев улыбнулся. – Спасибо тебе за участие в нашей дальнейшей судьбе, Витя. Поспи лучше.

– Разве тут уснешь? Да и лета осталось меньше двух часов. Может, в обратку полковник закажет нормальный борт?

– Если ты попросишь, то он обязательно закажет.

Выговорившись, Лобачев пересел к повару, сержанту контрактной службы Василию Сурикову.

Снегирев же проговорил:

– Ну и болтун наш прапорщик.

– Почему болтун? – спросил Пахомов. – Он вполне реальные вещи говорил. Нам с тобой и полковника не видеть, не то что генерала. Ему выше старшего прапорщика не подняться. А на гражданке работа для нас есть. Причем хорошо оплачиваемая.

– Считаешь, про Эдика он не соврал?

– Да видел я этого Эдика, когда заезжал к Виктору. Малый действительно шустрый, совершенно бессовестный и циничный. Не наш человек.

– Это однозначно. – Снегирев встал, немного размялся, вновь присел. – А болтуном я Витю не из-за Эдика назвал. Он мне как-то рассказывал, будто дед твоего Амура в Косово при разминировании девчонку какую-то сербскую спас. Чуть ли не взведенную гранату из руки у нее выбил.

– Ты не поверил?

– Нет. Время горения запала – три-четыре секунды. Как собака могла выбить гранату и еще оттолкнуть девочку? Да и не натасканы наши животные на такие дела.

Пахомов вздохнул и заявил:

– А между тем прапорщик ничего не придумал.

– В смысле?

– В прямом. Объясню. Наше МЧС впервые работало по разминированию в Косово в девяносто восьмом году.

– Да, я в курсе.

– В подразделении был Коля Бердик, тогда старший лейтенант, сейчас полковник запаса. У него пес Нур, дед Амура. Группа вышла в район Витина, есть там такой населенный пункт. Начали работать в поле, попали под обстрел албанских экстремистов. Спецназ отогнал банду. Вроде закончили, въехали в город, центр общины. Там стояли машины для переброски группы в Приштину. Бердик купить что-нибудь у местных хотел. Тут из проулка – девочка восьми лет. В руках граната Ф-1. Прикидываешь, что произошло бы, если бы она отпустила рычаг?

– А предохранительное кольцо?

– Его уже не было. Старлей оцепенел. Что-либо говорить девочке бесполезно и опасно. Она испугается и уронит гранату. Тут Нур вдруг сорвался с поводка, бросился на девочку, сбил ее с ног. Граната упала. На землю с криком повалился и Бердик. Благо там больше людей не было. Нур словно знал, что у него всего три секунды, накрыл собой девочку. Грохнул взрыв. Пес принял осколки на себя. Девочка отделалась царапинами. Вот такая была история. Я разговаривал с Бердиком, когда в центр приезжал, щенка себе подобрать. Он рассказывал, что потом Нура чуть ли не весь город хоронить приходил. На месте взрыва ему памятную табличку установили, которую, впрочем, позже албанцы оторвали. Так что не врал прапорщик.

– Да, дела, – проговорил Снегирев. – С поводка сорвался, сбил, накрыл собой. Непостижимо. Но погоди, а как же от него наследство пошло?

– Когда Нура вывозили в Косово, в центре уже был годовалый щенок, его сын, отец Амура. Тот не восемь, а десять лет прослужил.

– Понятно. Но значит, и у Амура те же таланты?

– Пока не проявлялись. Но он умный, да. У нас все собаки такие.

– Мне кажется, Барон равнодушен к Вьюге. Так и трется у ее вольера.

– Что в этом странного? Мужчина хочет женщину. Это жизнь. Снюхаются, по возвращении повяжут их. Будут щенки.

– Так Барон еще молод.

– Самый раз для этого дела.

Так за разговорами пролетело время.

Самолет начал снижение.

Снегирев посмотрел в иллюминатор и заявил:

– Вода кругом. Это океан или море?

– Океан, – ответил Пахомов и добавил: – Географию надо было в школе изучать.

– Ну ты и загнул, Юра. Когда это было-то? Школа, география? Да и не любил я ее, больше физику, химию, литературу. А в училище, сам знаешь, никакой географии и в помине нет. Стало быть, океан? Тихий?

– Атлантический.

– А вот и берег. Вижу его! – Снегирев вновь смотрел в иллюминатор. – Ни хрена не понять. Вроде лес везде, хотя есть и что-то похожее на степь. А вот и небольшое селение.

В 9.23 Ил-76 опустился на бетонку. Пилоты переключили реверс для торможения. Пробежка оказалась короткой. Самолет вырулил на полосу, ведущую к площадке, расположенной справа от здания аэропорта.

– Похоже, в аэропорт мы не пойдем, – проговорил Снегирев.

– С чего ты взял? – спросил Пахомов.

– Так терминал сбоку.

Ил-76 встал, шум двигателей начал ослабевать, потом прекратился.

Основной экипаж вместе с командиром российской группы саперов вышел в грузовой отсек.

– Поздравляю, – произнес полковник Серданов. – Мы в столице Республики Суринам, городе Парамарибо, в аэропорту Йохан Адольфа Пенгеля.

– Другого названия придумать не могли? – спросил Снегирев. – А то Адольф. Хотя многие нацисты скрывались именно в Южной Америке. Было это после того, как наши деды и прадеды ввалили им по самое не могу. Даже...

Полковник прервал старшего лейтенанта:

– Отставить разговоры, Снегирев! Твое мнение никому не интересно.

– Ну это как сказать!

– Ты плохо понял меня?

– Есть прекратить разговоры!

– К нам идет трап, – доложил борттехник.

Командир основного экипажа взглянул в иллюминатор, повернулся ко второму пилоту:

– Паша, свяжись с дежурным по аэропорту, скажи, что трап нам не нужен. Обойдемся без услуг аэропорта. Открыть рампу!

– Есть, товарищ подполковник.

– Приступить к разгрузке техники и контейнеров!

Экипажи и сотрудники МЧС занялись делом.

Вскоре к самолету подъехал белый внедорожник. Из него вышел мужчина средних лет в летнем костюме.

Он оглядел российскую команду, безошибочно определил ее руководителя, шагнул к нему:

– Доброе утро. Вы господин Серданов?

– Да. Полковник Серданов. Доброе утро.

– Очень приятно, я комиссар ООН Андре Канте.

– Узнал вас, сеньор Канте, по фотографии. Раньше, по-моему, вы не принимали участия в судействе состязаний.

– Вы правы. Но это ничего не меняет. Сейчас я представляю ООН. Как прошел полет?

– Хорошо.

– Все ваши люди здоровы? Не нужна ли вам какая-нибудь помощь?

– Благодарю, сеньор Канте. У нас все в порядке.

– Отлично! Сколько времени вам потребуется на разгрузку?

– Около часа, если не возникнут проблемы с суринамскими пограничниками и таможенниками.

Канте улыбнулся и заявил:

– Проблем не будет. Ваша команда минует и пограничников, и таможенню.

Серданов удивился и спросил:

– Что, пограничники даже наши документы не проверят?

– Достаточно того, что я использовал свои полномочия, предоставил им список российской команды. Здесь, знаете ли, полковник, многое остается как в колониальной стране. Ссориться со старшим братом власти не желают. Тем более что состязания проводятся под эгидой ООН.

– Экипажам самолета тоже следует убыть на полигон Санкери?

– Нет. Это лишнее. Да пилоты и не оставят свой самолет. Экипажи будут жить при аэропорте. Для них забронированы номера в местной гостинице, как ни странно, довольно приличной.

– Понятно.

– Вы заканчивайте здесь и подъезжайте к служебным воротам, которые справа от аэропорта, если смотреть отсюда.

– Мне потребуется автобус для двух экипажей. Это четырнадцать человек.

– Хорошо, будет автобус.

– Мы подъезжаем к служебному выезду. Что дальше, господин комиссар?

– Сотрудники аэропорта займутся устройством экипажей, а мы с вами поедem в Санкери. Это около восьмидесяти километров. В лагере для вашей команды все готово. Вы разместитесь в благоустроенном современном модуле с отсеком для содержания минно-разыскных собак, техническим сектором. Учитывая особенности русского характера, устроена и баня. Не знаю, правда, насколько она соответствует привычной для вас, но строилась по чертежам российских проектов.

– С чего это вдруг такое повышенное внимание? По правилам состязаний, команды должны находиться в равных условиях.

– Эти условия должны соответствовать национальным традициям и обычаям представителей стран – участниц состязаний, – добавил комиссар. – Так что никакого повышенного внимания именно к вам у меня нет. Тем более что англичане заказали для себя сауну.

– Хорошо, сеньор Канте. Если вы в течение часа пришлете автобус для экипажей, то где-то в одиннадцать часов мы будем у служебного выезда.

– Да, полковник, не буду вам мешать, – сказал комиссар и сел в машину, которая тут же двинулась к аэропорту.

К начальнику команды подошел его помощник капитан Холин и спросил:

– Это был господин Канте?

– Да, Роман, комиссар ООН собственной персоной.

– Как он?

– Да ничего вроде.

Помощник улыбнулся:

– Ничего плохого или хорошего?

– А то ты не знаешь чиновников из ООН. Они все одинаковые. Холодные и вежливые. Других там не держат.

– Леонид Андреевич, знать чиновников ООН я не могу по определению, так как еще ни разу не общался с ними. Ну а вежливость – не самое плохое качество человека.

– Да, если она не установлена нормативными документами. Еще вопросы ко мне есть, Рома?

– Нет.

Полковник указал на кейс, который помощник всегда держал при себе, и распорядился:

– Подготовь станцию! Сеанс связи через пять минут.

– Говорить будете прямо здесь? Не безопасней ли пройти в кабину пилотов?

– Рома, если кто-то установил контроль над нами, то с помощью такой аппаратуры, которая одинаково зафиксирует мои слова как здесь, так и в кабине. Да и ничего такого, что могло бы вызвать интерес у посторонних, я обсуждать не намерен. Только доклад.

– Понял.

Помощник пристроил кейс на капоте внедорожника, выехавшего из чрева Ил-76, начал раскладывать и настраивать спутниковую станцию.

В это время к Серданову подошел командир основного экипажа подполковник Шутов:

– Разрешите обратиться, товарищ полковник?

– Ты, Олег, недоспал либо наоборот. Не исключено, что на тебе уже сказывается акклиматизация, хотя вроде рановато. У вас, летчиков, она происходит гораздо легче, чем у нас, пассажиров.

– Что вы имеете в виду, Леонид Андреевич?

– Помнится, в Москве мы общались запросто, не обращали внимания на формальности, а здесь вдруг: «Разрешите обратиться, товарищ полковник?»

– Да я пошутил.

– Шутка не удалась. Что хотел спросить? Впрочем, можешь не говорить. Командир обязан заботиться о своих подчиненных. Ты хочешь узнать, что предстоит делать членам экипажей.

– Да, именно это я и хочу знать.

От вспомогательного здания аэропорта отошел небольшой автобус и направился к Ил-76.

Полковник кивнул в его сторону и спросил:

– Видишь автобус?

– Вижу.

– Это за вами. Я с группой разминирования, помощником, ветеринаром и поваром вместе с комиссаром ООН поеду на полигон. Ты с товарищами останешься здесь, при аэропорте. Комиссар обещал для вас комфортабельные номера в гостинице. Выезжаем с территории одновременно. Так что можешь обрадовать своих подчиненных.

– Кто будет охранять самолет?

– А сам как думаешь?

– Местная служба безопасности?

– Скорее всего.

– Прямо вот тут, на площадке?

– Не знаю. Это придется контролировать тебе.

– Я что-то не вижу английского борта.

– Он мог убыть восвояси. Извини, но я не стал спрашивать у комиссара, на чем прилетели британцы и куда подевался их самолет. В общем, как устроишься сам, разместишь людей, наладь контакт с начальником службы безопасности аэропорта. С ним и решай вопросы. У меня хватит забот на полигоне.

– Понял.

– А если понял, Олег, то завершай разгрузку, закрывай борт. Готовьтесь к выезду.

– Да, товарищ полковник. – Командир основного экипажа улыбнулся и направился к самолету.

Помощник доложил:

– Леонид Андреевич, станция готова к работе.

– Трубку!

Капитан Холин передал начальнику трубку, внешне похожую на радиотелефон.

Серданов набрал длинный номер.

Послышались гудки, затем грудной мужской голос:

– Адаксин!

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, это полковник Серданов. Извините, что разбудил, но я исполняю ваш приказ.

– Я не спал. Работа, черт бы ее побрал.

– Понял. Докладываю, Георгий Борисович, мы на месте, в аэропорту Парамарибо.

– Принял, хорошо.

– Все здоровы, немного устали.

– Понятно дело, почти половину суток в воздухе, да еще на борту транспортного «семьдесят шестого».

– Нас встречал комиссар ООН Андре Канте.

– И как он тебе?

– Да как все чиновники ООН.

– Что решено по экипажам?

– Им предоставляются номера в гостинице при аэропорте. Подполковник Шутов будет лично и совместно с начальником службы безопасности аэропорта контролировать борт. Моя команда вместе с комиссаром через полчаса отправится в лагерь, на полигон Санкери. По заверению Канте, там созданы все условия для проживания, подготовки и собственно состязаний.

– Иначе и быть не может! Статус финала очень высок. Вы там, на полигоне, поаккуратней. Не забывайте, что за вами будут смотреть во все глаза члены жюри, соперники, охрана. Возможно, и СМИ ведущих стран мира, в основном, как ты сам понимаешь, наших лучших друзей, то есть американские.

Серданов немало удивился и проговорил:

– Какие СМИ, Георгий Борисович? Состязания закрытые. Раньше журналистов к ним и близко не подпускали.

Генерал вздохнул:

– Придется напомнить тебе известную фразу Гераклита: «Все течет, все изменяется».

– С чего вдруг изменились правила?

– Мир, Леонид, становится все более открытым. Как это модно сейчас говорить, толерантным. Хотя этот термин, наверное, в нашем случае не подходит. Конечно, далеко не факт, что в Санкери допустят журналистов, но такое может случиться. Ты просто имей это в виду.

– Да, мир становится все более открытым и агрессивным.

– Не будем философствовать, Леонид. Сконцентрируйся на выполнении задачи. Подчиненных настрой. Вы должны победить. Иной вариант не рассматривается. У нас в центре десятки многомиллионных контрактов, которые только и ждут подписи. Но она появится лишь при наличии лицензии. Дальше продолжать?

– Не надо.

– Я доложу наверх, что команда в Суринаме. Обо всем сообщу. Ты свяжись со мной, как обустроишь команду на полигоне и оценишь обстановку в Санкери. Только, ради бога, Леня, не забывай, что разница во времени между Москвой и Суринамом составляет пять часов.

– Я все прекрасно помню.

– Удачи и до связи!

– Благодарю, до связи! – Полковник передал трубку помощнику и распорядился: – Сворачивай аппаратуру!

Капитан убрал станцию, работы закончились. Команда Серданова и экипажи сели в машины и автобус и направились к служебному выезду.

У Ил-76 встали два вооруженных охранника.

Гости из России действительно выбрались за пределы аэропорта без каких-либо проверок. Небольшая колонна встала на площадке, где ее ждали Андре Канте и какой-то местный чиновник. Комиссар не стал представлять его, сказал лишь, что этот человек покажет экипажам гостиницу и объяснит правила проживания в ней.

Автобус с пилотами поехал к современному четырехэтажному зданию с большими открытыми балконами.

Проводив его взглядом, Канте повернулся к Серданову и сказал:

– Прошу занять место в машине и следовать за моим автомобилем. В случае необходимости остановки подайте сигнал фарами.

– Хорошо.

Колонна выехала на дорогу, ведущую к полигону Санкери, минуя Парамарибо, через город Гронес. Начальник команды ехал во внедорожнике, за рулем которого сидел его помощник. Все остальные устроились в фургоне.

Вскоре капитан, следовавший за машиной комиссара ООН, покачал головой и проговорил:

– Да уж. Ну и дела.

Серданов взглянул на него:

– Что такое, Рома?

– Обидно, Леонид Андреевич.

– Не понял. Из-за чего или кого обидно? На что?

– Вы на дорогу посмотрите.

– Ну и что? Хорошая дорога, ровная, широкая.

– Вот именно, что хорошая, даже слишком. Ни одной колдобины, скола асфальта. Как зеркало. Это второстепенная дорога в каком-то богом забытом Суринаме. Об этой стране в России многие вообще ни разу не слыхивали. Бывшая колония, где процветала работорговля. Дороги же лучше, чем в хваленной Германии. А у нас в России такую найдешь? Не на подъездах к резиденциям высоких чиновников или к особнякам некоторых народных избранников, а хотя бы в километре от Кремля? Без толку. Чего уж говорить о других, региональных? Что у нас за страна, Леонид Андреевич? Космические корабли строим, реактивные двигатели, несмотря ни на какие санкции, в США продаем, новые системы вооружения, лучшие в мире военные самолеты производим, а дороги сделать не можем.

Полковник усмехнулся:

– Не напрасно же классики русской литературы и философии говорили, что в России две беды – дураки и дороги. Это, Рома, наша отличительная особенность.

– Да, скажите еще, что национальная гордость.

– Ладно, давай оставим эту тему. Когда-нибудь и в России все наладится.

– Не думаю, что мы застанем это.

– Пусть хоть потомки поживут хорошо.

Капитан проговорил:

– Впереди мост. – Он взглянул на навигатор. – Река Комейне. Половина пути. Скоро прибудем на полигон. А мост-то, Леонид Андреевич, с двойным ограждением, с отбойниками. Это в такой глуши!..

– Да прекрати ты ныть, Рома, – не выдержал Серданов. – Везде хорошо, где нас нет.

– Но мы-то тут.

– Тут! А по мне, капитан, в России лучше, чем в любой другой стране. А я повидал их немало, на всех континентах. Если бы мне предложили работу в США, в том же Противоминном центре ООН, то я отказался бы. Дома хорошо. Особенно летом на даче. Как рассветет, удочку в руки, банку с червями и на озеро. Оно в трех километрах в лесу. Воздух чистый, ни ветерка, птички чирикают. Сядешь на бережке, забросишь леску между кувшинок, глядишь, вздрогнул поплавок. Подождал, подсек. Вот он, карась граммов на триста, трясущийся в траве. Соточку водочки пропустишь!.. Благодать. Черт с ними, с дорогами, зато природа какая! Пахнет, Рома, родиной, детством, Россией, а не как тут, не пойми чем.

Капитан улыбнулся:

– Вы так увлекательно о рыбалке рассказали, что я захотел рядом с вами посидеть, хоть и не любитель этого дела.

– Вернемся, приглашу тебя к себе. Посидим. Тогда поймешь, в чем не только беды России, но и ее прелесть.

– С удовольствием приеду.

– Но без жены.

– Само собой. Иначе никакого кайфа.

– Верно мыслишь. Женщина и рыбалка несовместимы. Грибы, ягоды – сколько угодно, но не это занятие.

Спустя десять минут машины въехали на полигон.

Территория, выделенная для проведения состязаний, делилась на три участка: А – минное поле, В – различные строения и С – лес. Финалистам необходимо было пройти их и произвести разминирование имитационных взрывных устройств. На каждый этап отводился один день. Если одна из команд при прохождении первого этапа получала преимущество по времени, то оно учитывалось в дальнейшем.

Машина подъехала к модулю, стоящему восточнее другого, уже заселенного, над которым гордо веял флаг Великобритании.

Выйдя из машины, полковник Серданов спросил у Канте:

– Господин комиссар, когда сюда прибыли британцы?

– Позавчера, господин полковник.

– Это укладывается в правила финала?

– Да. Прибытие команд по плану могло осуществляться с утра третьего числа. Тогда-то и появились здесь ваши соперники. Кстати, МЧС России было оповещено об этом.

– Они уже тренировались?

– Нет.

– Почему?

– В этом году тренировочные мероприятия перед финалом отменены. Таково решение руководства Противоминного центра ООН.

– Значит, получается, с корабля на бал?

На лице комиссара нарисовалось недоумение.

– Не понял, господин полковник, какой корабль, что за бал?

Серданов улыбнулся:

– Есть у нас поговорка такая. С корабля на бал. То есть сразу на работу.

– Ох уж эти русские поговорки. Да, именно так! Никаких тренировок. Участки уже заминированы имитационно-звуковыми зарядами. У вас есть двое суток на акклиматизацию. Старт шестого сентября, в восемь часов утра.

– Я знаю, что обе команды должны питаться в одной столовой, одной и той же пищей, приготовленной под контролем жюри, поварами из ваших людей. Это так, сеньор Канте?

– Вы правы, господин полковник. Именно так все и организовано. Столовая справа от вас, третий модуль. Пища готовится поварами, которые подчинены лично мне, из продуктов, доставленных сюда в контейнерах из Нью-Йорка. Вы не имеете права употреблять продовольствие, которое привезли с собой. После объявления результатов – сколько угодно. Но во время состязаний нельзя.

– Но кормление собак – это наше дело, не так ли?

– Да, ваши очаровательные овчарки могут есть все, что им угодно. Но они в любой момент могут быть проверены на предмет употребления стимулирующих препаратов.

Серданов кивнул:

– Это мне известно. Мы не идиоты, чтобы давать собакам стимуляторы, даже если их не в состоянии выявить ни одна лаборатория мира. Сила служебных собак в их природных качествах.

– Вы правы. Ко мне еще вопросы есть?

– Отсеки для моей команды подготовлены?

– Да. В них есть все, что вам необходимо. Если возникнут претензии, связывайтесь непосредственно со мной. Мы решим любые вопросы.

– Благодарю.

– Хорошего отдыха вам! – сказал комиссар и удалился в служебный модуль.

Серданов отдал команду на построение.

Личный состав группы встал в шеренгу.

Служебные собаки после завершения зачистки вольеров скучали у ног своих хозяев. Полковник видел, как они хотят побегать.

Серданов довел до своих людей суть разговора с комиссаром насчет запрета на продукты и отдал команду:

– Старшему лейтенанту Чуйко провести осмотр собак, сержанту Сурикову быстро приготовить пищу для них! Утреннее кормление вышло из графика, но один день ничего не изменит. Саперам выгулять питомцев! Вопросы?..

– Где выгуливать собак? – спросил Пахомов. – У модулей нельзя, на поле тоже. С территории не выйти...

– Я не уточнял этот вопрос. Но за модулем есть небольшая роща, рядом пруд и поляна. Выгуливайте там. Если это кому-то не понравится, то я попрошу комиссара определить нам место для выгула.

– Понятно. Может, пойдем за модуль британцев? Пусть наши собаки немного погадят там, пометят территорию, дадут понять, что все кругом наше.

– Тебе нужен скандал?

– Почему нет? Поскандалив, поймем, что собой представляют британцы.

– А для чего?

– В смысле?

– Для чего тебе знать, что они собой представляют? Нам важно понять, насколько высок уровень их профессионализма. Они могут быть скандалистами, драчунами, отчаянными парнями или, напротив, тихими, безразличными ботаниками, а в минном деле профессионалами высокого класса. Так что обойдемся без мелких пакостей.

– Да я же пошутил, товарищ полковник. Неужели вы думаете, что я пошел бы к британцам?

– Ничего я не думаю. Ты спросил, я ответил. Все, не будем терять время.

Тут ожила радиостанция Серданова, которой разрешалось пользоваться на состязаниях. Такой аппарат имелся у каждого члена команды.

– Полковник Серданов! Слушаю!

– Это Андре Канте!

– Да, господин комиссар?!

– Мне доложили, что у вас возник вопрос. Вы не знаете, где можно выгуливать собак.

– Интересно знать, кто доложил вам. За нами ведется усиленный контроль, налажена прослушка?

– Нет. Просто дежурный по полигону находился недалеко от вас. Вот он и решил, что у русской команды возник данный вопрос.

– Очень бдительный дежурный.

– Этого не отнять. Здесь вполне приличная охрана.

– Так и положено. Особенно на финале. Признаюсь, вы правы. Такой вопрос возник. Я решил определить место выгула за модулем в роще. Если вы против, назовите место сами.

– Вы сделали правильный выбор. Я просто упустил данный вопрос из виду. Именно там и планировался выгул ваших четвероногих помощников.

– Очень рад. Это все?

– Нет. Завтрак для вашей группы через полчаса.

– Прошу перенести на час.

– Понимаю, вам надо сначала накормить животных. Хорошо, я передам в столовую, чтобы для вас накрыли столы в двенадцать тридцать. Но обед по общему расписанию. В четырнадцать.

– Да, благодарю за понимание. – Серданов отключил станцию, взглянул на подчиненных, продолжавших стоять в шеренге: – Ну и чего застыли? Угадали мы с местом выгула. Для нас завтрак в двенадцать тридцать, далее по распорядку. Вперед! – Он взглянул на помощника: – Рома, поставь машины на стоянку и проконтролируй выполнение мероприятий. Построение на завтрак для личного состава в двенадцать двадцать!

– Есть, товарищ полковник!

– Да, станцию оставь мне.

Капитан Холин передал кейс начальнику команды.

Строй рассыпался. Саперы увели собак в рощу. Те наконец-то получили волю.

Суриков в кухонном отсеке вскрыл контейнеры и начал готовить пищу для собак. Их кормили строго по установленному рациону, который содержал сорок процентов мяса и субпродуктов, половину круп и хлеба и десять процентов овощей, два раза в сутки, утром и вечером. Сегодня первое кормление сдвинулось. Но такое случилось не в первый раз и ничего негативного в плане предстоящей работы не имело.

Серданов собрался в модуль, когда к нему подошел мужчина в белом летнем костюме.

– Добрый день, полковник, – поздоровался он на русском языке, но с заметным английским акцентом.

– Добрый день.

– Разрешите представиться, полковник Вильям Хукес, начальник команды Великобритании.

– Серданов Леонид Андреевич.

– Очень приятно. Как вам этот полигон?

– Я еще не имел возможности осмотреть ни лагерь, ни учебную часть.

– А вам и не позволят это сделать. Я имею в виду само место состязаний. Я пытался, не пустили. И вообще здесь все строго.

– Так и должно быть.

– Но согласитесь, полковник, комиссар мог бы разрешить нам ознакомление с участками, где предстоит работать нашим людям.

– Он объяснил свои действия запретом Противоминного центра.

– В курсе. Рассчитываете на победу?

Серданов взглянул на британца.

– Странный вопрос. Зачем мы сюда прилетели?

– Мы тоже рассчитываем на победу, хотя фаворитом остаетесь вы.

– Кто записал нас в фавориты? Неужели на закрытых соревнованиях работает тотализатор?

– Никакого тотализатора, конечно, нет, а фаворитом вас считают даже в нашей международной организации по гуманитарному разминированию. Вы же в полуфинале обошли сильную команду США.

– Американцы выставили не лучший состав. Наверное, их руководство переоценило свои возможности и недооценило нас. Работали они на редкость плохо. А вот ваши парни, мистер Хукес, одолели швейцарцев, очень серьезного противника.

Британец кивнул:

– Да, это так, но выиграли мы с минимальным преимуществом. На третьем этапе швейцарский сапер повелся на мину отвлечения. Он разобрался с ситуацией, но потерял время. Оно-то и стало решающим фактором.

– Мы изучали вашу работу, как, конечно же, и вы нашу.

В это время случайно или специально из-за модуля британцев выехал робот.

Серданов стал разглядывать его.

Хукес усмехнулся:

– Это наш небольшой сюрприз.

– Я знал, что вы можете применить боевого робота. Считаете, что он способен заменить человека или собаку?

– Наш робот способен на многое. Естественно, я не буду раскрывать его характеристики, но поверьте, они впечатляющие. Конечно, человека он не заменит, а вот минно-розыскную собаку – вполне. Так что, господин Серданов, мы с вами поборемся.

– Конечно!

Робот показал себя и ушел обратно за модуль.

– Жарко! – произнес британец.

– Да, это не Подмосковье.

– И не Англия.

– Странно, но в этом климате должны быть орды moskitov, жуков, комаров, а я не заметил ни одного.

– И не заметите. Организаторы турнира побеспокоились на этот счет. Они установили газовые приборы, отпугивающие насекомых. Так что если вы почувствуете запах пропана, не спешите проверять оборудование кухни.

– По-моему, Противоминный центр впервые позаботился о комфортной работе саперов. До этого его руководство всегда старалось создать условия, максимально приближенные к боевым.

Хукес развел руками.

– Это дело руководства. Думаю, оно пошло на послабление лишь потому, что в естественных условиях наши саперные группы не смогли бы пробыть в поле и нескольких минут.

– Возможно.

– Надеюсь, мы подружимся, полковник.

– И это возможно. Иногда нам приходится работать с коллегами из других стран.

– Не смею больше задерживать вас, полковник.

– Давай просто Леонид и на «ты».

– Тогда я для тебя Вильям.

– Договорились.

– Не прощаюсь, в столовой встретимся. – Британец ушел.

Серданов отправился в модуль. Он нашел свой служебно-жилой отсек, огляделся, включил кондиционер, выставил его на двадцать два градуса, открыл чемодан, взял нижнее белье, полотенце и пошел в душ.

Освежившись и переодевшись, он вышел на площадку перед модулем. Там уже собрались члены группы. Помощник доложил, что собаки погуляли, накормлены, осмотр ветеринара не выявил у них каких-либо заболеваний. Машины на стоянке, поставлены на сигнализацию.

Серданов посмотрел на часы и отдал команду следовать на припозднившийся завтрак.

Глава 3

Утром в воскресенье повар мыл посуду, из которой ели собаки. Ветеринарный фельдшер закончил укладку медикаментов и инструментов в специальном санитарном отсеке, вышел на улицу.

К нему подошел темноволосый молодой мужчина.

– Доброе утро – поздоровался он по-английски.

– Доброе, – ответил Чуйко и спросил: – Чем обязаны?..

– Я Байрос Докруш, секретарь комиссара Канте. Не подскажете, полковник Серданов у себя?

– Да, а что?

– С ним хочет поговорить комиссар. Он просит господина полковника прийти к нему в служебный модуль.

– Понятно. Я передам полковнику пожелание сеньора Канте.

– Извините, но я должен сопроводить руководителя российской команды.

– Вы считаете, что здесь можно заблудиться?

– Поймите, это не моя прихоть.

– Ждите! – Старший лейтенант прошел в модуль.

Вскоре появился полковник Серданов, взглянул на молодого человека:

– Сеньор Докруш?..

– Точно так, господин полковник. Комиссар...

Серданов прервал секретаря:

– Я в курсе. – Полковник направился к служебному модулю.

По дороге он встретил начальника британской команды.

Тот козырнул:

– Приветствую, полковник!

– Доброе утро. Тоже был у комиссара?

– Заняться ему нечем, вот и дергает людей.

– Зачем вызывал?

– Вызывал? – Хукес усмехнулся. – На это у него полномочий не хватает. Просил зайти. Как я понимаю, тебя тоже.

– Да, так зачем?

– Вот сейчас и узнаешь. Возможно, с тобой у него будет иная тема разговора, нежели со мной.

– Ясно. Хорошего выходного.

– Взаимно!

Все время переговоров старших офицеров секретарь с отрешенным видом стоял немного поодаль. Он продолжил движение одновременно с Сердановым, вместе с ним вошел в модуль, в коридоре обогнал полковника, открыл дверь приемной и сказал:

– Заходите, пожалуйста, и подождите немного.

Серданов покачал головой.

Докруш зашел в кабинет, доложил шефу о прибытии российского полковника, тут же вернулся в приемную, оставив дверь открытой.

– Прошу, господин полковник, сеньор Канте ждет вас.

Серданов усмехнулся и прошел в служебное помещение комиссара ООН.

Канте шагнул ему навстречу.

– Здравствуйте, господин полковник, извините, что прибег к услугам секретаря и попросил вас прийти сюда. Я сам дойти до вашего модуля не могу, ожидаю связи с Нью-Йорком.

Серданов присел на стул, приставленный к рабочему столу комиссара.

– Слушаю вас, сеньор Канте.

– Позвольте вопрос.

– Ради бога.

– Как происходит акклиматизация?

– Нормально. Самый тяжелый день будет завтра.

– Да, третий день всегда самый трудный. Но вы люди подготовленные, военные, не то что мы.

– Вы просили меня зайти, чтобы спросить о самочувствии моей команды?

– Не только. Хотя и это входит в круг моих обязанностей. В состязании могут участвовать только совершенно здоровые люди, а в вашем случае еще и минно-розыскные собаки.

– О себе и собаках мы как-нибудь сами позаботимся. Или вы собираетесь устроить нам проверку на допинг? Сейчас очень модно снимать с соревнований российские команды перед самым стартом. По бездоказательному докладу какого-нибудь чиновника, купленного нашими соперниками.

– Не надо так, господин Серданов. Все необходимые проверки вы уже прошли, допуск к финалу оформлен с соблюдением всех норм. Да, американцы пытались надавить на руководство Противоминного центра, но у них ничего не получилось. Российская команда допущена до финала, значит, будет участвовать в нем.

– Тогда зачем вы позвали меня?

– Сегодня выходной. Соревнования начнутся послезавтра и продлятся три дня. Завтра пик акклиматизации.

– Я не понимаю, к чему вы клоните.

– Мной принято решение разрешить командам выезд в Парамарибо. Кто знает, удастся ли вам еще когда-нибудь побывать в этой экзотической стране.

– В Парамарибо есть что посмотреть?

Канте пожал плечами.

– Я сам не бродил по Парбо, но, судя по путеводителю для туристов, там много интересного. Исторический центр города внесен в список всемирного наследия Юнеско. А посмотреть? – Комиссар открыл путеводитель, о котором упомянул. – Вот, например, мечеть Кейзерстрат, одно из красивейших зданий города. Или собор Петра и Павла. Он является самым высоким деревянным строением всего Западного полушария. Зоопарк, пальмовый сад. Да что я вам перечитываю, забирайте, посмотрите сами и решите, ехать в Парбо или нет. – Он передал путеводитель начальнику российской команды.

– Британцы едут в город? – спросил Серданов.

– Не знаю, по-моему, полковника Хукеса не впечатлило мое предложение.

– Это их дело. Я посоветуюсь с командой. Может быть, мы и поедем.

– Просьба до двадцати трех часов быть на месте. Я говорил, что вы должны питаться только в здешней столовой, вместе с англичанами. Разумеется, это ограничение мне придется временно снять. Будьте осторожны с национальными блюдами. Они могут оказаться слишком острыми для вас. Желаю хорошо провести время.

– Благодарю, сеньор Канте.

– Да, не лишним будет взять у начальника охраны объекта специальные пропуска, дабы избежать неуместного внимания местной дорожной полиции. Здешние инспектора назойливее любой мухи.

– Хорошо.

– Вы уже знакомы с начальником охраны?

– Видел его, никак не более.

– А вот Хукес установил неплохие отношения с подполковником Венсе.

- Я рад за них. До свидания.
- До свидания, господин полковник.

Серданов вернулся в модуль, сообщил своим людям о возможности поехать в Парамарибо.

- Так это хорошо. Заедем в аэропорт, ребят-летчиков проведем, – сказал Снегирев.

Пахомов задал тот же вопрос, что и Серданов комиссару Канте, то есть насчет достопримечательностей. Он получил такой же ответ. Вместе с путеводителем.

– Я перед отправкой сюда смотрел информацию в Интернете. И вот что там вычитал. Оказывается, только в Суринаме есть мастера, сохранившие древние традиции выделки кожи крокодила. Так что здесь можно довольно дешево купить сумки, кошельки, ремешки и даже сапоги из этого дивного материала. Представляете, сколько это будет стоить в России! Еще тут продаются разные статуэтки, африканские маски, – проговорил Суриков.

Серданов посмотрел на сержанта и недоверчиво спросил:

- Африканские маски в Южной Америке?

– Отвечаю, товарищ полковник. Когда-то голландцы завозили сюда рабов из Африки. Позже эти бедолаги стали свободными, но сохранили свою самобытность. Они проживают в своих поселках. Тут даже какой-то район есть недалеко от границы Бразилии, где обитают совершенно дикие индейские племена. Эти ребята за мелочь фотографируются с туристами, а за доплату показывают свои ритуалы. Их можно снимать на камеру. Они продают чучела крокодилов.

Серданов кивнул и заявил:

– Все это хорошо. Но мы если и поедем, то в Парбо, а не к границе с Бразилией, где живут эти индейцы. Это во-первых. Во-вторых, ветеринар и повар останутся здесь. За собаками смотреть надо, кормить их. – Он повернулся к саперам. – Ну так что, товарищи офицеры? Посмотрим столицу Суринама?

– Конечно. У меня фотоаппарат есть. Будет потом что показать. Сюда вряд ли много наших приезжают, – ответил Снегирев.

- Если вообще приезжают.

– Наши по всему миру колесят. Чем глуше и опасней место, тем лучше. Характер у нас такой.

– Да, кого-кого, а экстремалов у нас хватает. Значит, так. Здесь за старшего остается старший лейтенант Чуйко. С ним сержант Суриков. Если желаете сувениры, делайте заказы. Выезжаем через пятнадцать минут.

– А как насчет бабок? – спросил Пахомов. – У нас же американские доллары, а здесь свои, суринамские.

Снегирев похлопал товарища по плечу:

– Зеленые, Юра, и в Суринаме в ходу. Да и обменные пункты в столице республики должны быть обязательно. Даже интересно, они рубли наши примут?

– Кому тут, на хрен, нужны наши рубли? – Лобачев усмехнулся. – Даже нам они здесь без надобности.

- А кто знает. Надо спросить.

– Ты только подумай, как объяснить туземцам, что собой представляют российские рубли.

- Не волнуйся, объясню.

В 11.10 «Тойота» российской команды, ведомая прапорщиком Лобачевым, миновала КПП и по хорошей дороге двинулась на запад. Через две минуты ее обогнал «Ренджровер» с номерами Великобритании.

– Полетели, черти нерусские, – проговорил Лобачев.
– Выезд разрешен для всех, – сказал Серданов.
– Да я не об этом. Мы идем сто двадцать километров в час. Нормальная скорость. Британцам же надо повыделываться. Смотрите, мол, русские медведи, какие мы крутые. Никак не могут без этого. Сделать их, что ли? – Прапорщик прибавил газу.

Но Серданов остановил его:

- Не суетись. Гонку решил устроить?
- Но, товарищ полковник, британцы наглеют.
- Поэтому обогнали тебя? А если они куда-то спешат?
- Куда им спешить? Понтуются просто.
- Да и черт с ними. Сбрось скорость и иди в том же режиме, что и прежде.
- Есть! Но проучить британцев надо.
- Вот во время состязаний и проучите. Дело, а не пустыми понтами.

Лобачев вздохнул и спросил:

- Я музыку включу?
 - Давай радио. Послушаем, какие песни в Суринаме поют.
- Эфир был забит американскими и британскими станциями.
Прапорщик выключил радио, вставил диск, купленный в Москве.
– Вот это нормально, а то не пойми что.

До Парамарибо они добрались за пятьдесят минут, въехали в город ровно в полдень.

- На улице, господа-товарищи, тридцать два градуса! – сообщил прапорщик.
- Да, как говорится, не май месяц.
- Здесь и в мае доходит до тридцати, да еще сезон дождей.

Серданов повернулся к Снегиреву:

- Верни путеводитель!

Старший лейтенант передал командиру брошюру.

Полковник пролистал ее и спросил у Лобачева:

- Мы где сейчас?
- На улице, перед мостом.
- Вижу, что не в поле. Как называется улица?
- А черт ее разберет. Название из трех слов, прочитать не могу, далеко.
- Ага, вижу. Давай к мосту, там влево, по главной, к зоопарку.
- А чего мы забыли в зоопарке? – спросил Снегирев. – У нас рядом с полигоном лес с полным набором здешней живности.

- А куда хочешь? Может, в мечеть или в католический храм?
- На рынок. В таких городах все самое интересное на базарах.
- Все так считают? – спросил полковник.

Офицеры выразили солидарность со Снегиревым.

– Тогда поехали на центральный рынок. Он на берегу реки Суринам. – Серданов глянул в путеводитель. – Кстати, это мост Жюля Вейденбоса. Не знаю, какие заслуги имел этот господин, но мост один из крупнейших в стране и во всей Южной Америке. Длина – полтора километра, высота – пятьдесят два метра.

– Тоже мне достопримечательность, – проговорил Лобачев. – Мост большой, да, но не из ряда вон.

- Ты поворот не пропусти, – посоветовал полковник.
- Как его пропустишь? Сразу у моста на набережную.

Вскоре они добрались до цели, припарковались на платной стоянке недалеко от стационарного полицейского поста. Руссо туристо пошли на рынок и сразу попали в ряды, где про-

давали мясо, рыбу, фрукты, овощи. Торговцы, как и везде в мире, были назойливыми, громко расхваливали по-голландски свой товар.

Холин попытался узнать, где можно купить кожаные изделия, сувениры, и это ему удалось, пусть и с немалым трудом. Оказалось, что на рынке под эти товары было отведено особое место.

Кожу они увидели сразу. На лотке лежали туфли, ботинки, полусапожки.

– Я такую обувь в Москве в элитном магазине видел, – заявил Снегирев.

Все подошли к лотку.

Торговец оживился и выдал пулеметную очередь, состоящую из голландских слов, но потенциальные покупатели, конечно же, ничего не поняли.

Снегирев поднял руку:

– Стоп!

Бизнесмен суринамского разлива понял это и замолчал.

Старший лейтенант указал на полусапожки:

– Кожа?

– Вет хет нит.

– Чего?

– Да не врубается он, – проговорил прапорщик Лобачев.

– Ну и черт с тобой! – Офицер взял в руки полусапожки, помял их, осмотрел их. –

Сколько?

Торговец отрицательно покачал головой:

– Вет хет нит.

– Вот заладил одно и то же.

– Ты ему баксы покажи, – посоветовал приятелю Лобачев.

– Точно! – Старший лейтенант достал доллары и показал на полусапожки.

Торговец понял и растопырил пальцы.

Снегирев вытащил пять долларов.

– Так?

Продавец отрицательно покачал головой.

– Ты охренел? – воскликнул Серданов. – Сапоги за пять долларов?

Старший лейтенант достал пять купюр по сто долларов.

– Так?

– Я, я!

– Значит, ты согласен? Хорошо. Беру. А померить?

Торговец понял его, утвердительно закивал, выставил перед лотком стул, бросил фанерку и большую ложку для обуви.

Старший лейтенант снял кроссовки, надел сапоги, довольно улыбнулся и заявил:

– Как влитые сидят!

– Будешь брать? – спросил Пахомов.

– Да я бы, Юра, взял их, даже если бы они были на три размера больше или меньше.

– Зачем?

– Я говорил, что видел такие в элитном магазине.

– Ну?

– Вот тебе и ну. Цена знаешь какая у этих полусапожек в Москве?

– Откуда мне знать-то?

– Так я тебе скажу. От ста двадцати тысяч рублей до трехсот. Еще неизвестно, из какой конкретно кожи пошиты те сапожки. А тут? – Он взглянул на торговца и осведомился: – Крокодил?..

– Крокодиллен. Комменвийн.

Снегирев посмотрел на Серданова:

– Чего он сказал, Леонид Андреевич?

– Он назвал одну из областей страны – Комменвийн. Там выделяется крокодиловая кожа по особой технологии.

– Ты понял? – Старший лейтенант взглянул на капитана.

– А ты заплатил пятьсот долларов, это по нынешнему курсу около сорока тысяч рублей.

– Вот. Но беру для себя. – Он купил еще туфли, портмоне, ремень.

Офицеры подумали и тоже запаслись обувью у этого торговца и у другого.

Потом они подошли к сувенирной лавке. Там на стеллажах и стенах красовались десятки различных деревянных статуэток, масок.

– Здесь нам делать нечего, – проговорил Серданов.

– Не скажите, Леонид Андреевич. Например, вот такая маска на Старом Арбате стоит около двадцати тысяч, а тут три доллара – сто семьдесят рублей. Улавливаете разницу? – проговорил Снегирев.

– Никогда бы не подумал, что ты столь предприимчивый человек.

– Просто часто хожу по магазинам. С детства привык.

– А статуэтки у нас сколько стоят?

– Те, что здесь, где-то порядка тридцати тысяч.

– Здесь пять долларов. Хрень какая-то получается. Слишком уж дешево.

– Все объясняется просто, товарищ полковник. Туристами Суринам не избалован. В соседних странах этого добра тоже полно. Товар надо продать хотя бы по минимальной цене. Думаю, здесь неплохо наживаются американцы.

– Ладно, берем.

Господа офицеры потащили покупки к стоянке, уложили в багажник.

– Надо бы пообедать, – сказал капитан Холин.

– Что-то я поблизости ни кафе, ни ресторанов не вижу, – заметил командир.

– Надо в центр ехать.

– Там дорого, – заявил Снегирев. – Лучше на окраину. Блюда те же, цены другие.

Он оказался прав. Туристы пообедали в довольно уютном кафе с очень неплохой кухней, расположенном на выезде из города.

После чего они все же приступили к культурной программе. Гости из России осмотрели форт Зеландия, музей, располагавшийся там, заехали в собор Петра и Павла. Пальмовый сад рядом с президентским дворцом, как и театр «Талия», все дружно проигнорировали.

Офицеры покинули город и заехали в аэропорт Йохан Адольф Пенгель, вернее сказать, в гостиницу при нем. Там они встретились с экипажами Ил-76. Пилоты были в порядке, в город не выезжали, прятались от жары в комфортабельных номерах, ежедневно осматривали самолет.

Серданов поинтересовался у подполковника Шутова:

– Как обстоит дело с охраной, Олег?

– Охраняют хорошо. Ночью караул из двух человек, днем патруль. Борт обнесен ограждением. Все пломбы, поставленные нами, целы.

– Ну и хорошо. А мы в Парбо были.

– И что там?

Начальник команды рассказал о поездке, упомянул о кожаных изделиях и сувенирах.

Снегирев объяснил пилотам, насколько это выгодно.

Те сразу оживились.

– Надо и нам съездить. Тут всего сорок пять километров, – сказал подполковник Гришин.

– Вам бы микроавтобус.

– Да есть местные, которые на них промышляют. Постоянно пристают, предлагают поездку в столицу всего за двадцать долларов. Это на весь день.

– Съездите, не пожалеете, – сказал Серданов.

– А как с вином в Парбо? – поинтересовался майор Ковров.

– Продается и вино, и коньяк, и виски, но мы не брали. Нам нельзя. Состязания.

– Как к вам относятся на полигоне?

– Да в целом нормально. Хотя британцы притащили туда новый робот и смотрят на нас высокомерно. Мол, нет у вас никакого прогресса. Все собаками пользуетесь. Посмотрим, кто в итоге торжествовать будет. Комиссар-португалец вроде ничего, нормальный мужик. Членов жюри нам представят непосредственно перед стартом. Но все это не важно. Надо самим отработать на все сто. Вроде пока обстановка не вызывает тревоги. Охрану объекта осуществляет подразделение французов. Живем в отсеках благоустроенного модуля. В общем, все нормально. Есть легкое недомогание.

– Это ничего, акклиматизация. Завтра ломка. К вечеру организм должен адаптироваться.

– К утру вторника, надеюсь, будем в порядке.

– Проверять на допинг вас ВАДА не грозит?

– Нет. Эта контора не вмешивается в дела Противоминного центра ООН. Тамошние деятели наверняка и хотели бы подложить нам свинью, но не выходит у них. Даже если и была бы проверка, то она ничего не дала бы. И мы, и собаки полностью чисты.

– Да, но на колбах с кровью и мочой могут чудесным образом появиться царапины. Тут же последует вывод – пробы подменены. Не важно, кто сумел это сделать на закрытом объекте. Ну да ладно, нет угрозы, вот и хорошо. Значит, вы во вторник начинаете?

– Да.

– Нам подъехать можно? Поболеть за вас.

– Это вряд ли. По условиям состязаний на территории полигона посторонних людей быть не должно.

– Жаль.

– Слушай, а на чем прилетела команда британцев, не узнавал?

– На «Боинге». Он в соседнем ангаре стоит.

– А для вас ангара не нашли?

– Британцы оплатили место стоянки, наши не подумали об этом.

– Ну и черт с ними, с британцами. Нашему «семьдесят шестому» ничего не страшно, это не дерьмовый «Боинг»!

Офицеры рассмеялись.

– Ты, конечно, прав, но я не отказался бы летать на этом самом «Боинге», – сказал Гришин.

– Все, мужики, поехали мы.

– По той же трассе?

– Нет, пойдем через Гронес. Посмотрим, что там за дорога.

– Так вы по ней уже ездили.

– Еще раз посмотрим!

– Зачем?

– Пока не знаю. Но опыт лишним не бывает.

– Это точно.

«Тойота» шла к населенному пункту Гронес.

Прапорщик Лобачев, сидевший за рулем, спросил командира:

– А чего мы тут поехали?

– Надо было возвращаться в Парбо?

– Там хоть поужинали бы. Никто ж не догадался зайти в ресторан аэропорта, а время, господа, близится к шести часам. Через полчаса солнце сядет, в семь вечера наступит темнота. А есть ли что приличное из заведений общепита в Гронесе, мы не знаем.

– Есть. Несколько кафе, одно из них круглосуточное со смешанной кухней. Но на этой дороге имеется и еще кое-что интересное.

Лобачев посмотрел на Серданова:

– А вот сейчас не понял, товарищ полковник.

– Я пока еще тоже не понял. Надо будет заехать в одно место, чтобы все уразуметь.

Сзади подал голос капитан Пахомов:

– Вы никогда не были любителем загадок, Леонид Андреевич.

– Ладно, скажу. Гришин от кого-то из местных пилотов узнал, что в десяти километрах от Гронеса американцы в семидесятых годах держали небольшую авиабазу. Рядом с селением Полака. Потом они все забросили, местечко опустело, но что-то должно там остаться.

– А нам-то это зачем?

Полковник пожал плечами:

– Не знаю. Я ведь раньше в разведке служил. Возможно, остался профессиональный интерес. Да и время у нас есть. Посмотрим, что сейчас на месте той базы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.